

лояльное отношение и поддержку со стороны властей. В результате этих взаимоотношений выгоды получают дополнительные группы населения за счет направления в их пользу собранных средств, т.к. в процессе торга с бизнесом власти отстаивают некоторые интересы, относящиеся практически ко всему населению региона. В данном торге решается вопрос о размерах привлечения бизнеса к софинансированию территорий в результате нехватки средств у региональных и местных бюджетов. Подобные отношения больше подходят под характеристику неклассического варианта горизонтального социального контракта. Однако население региона самостоятельно практически не выступает в качестве независимого участника регионального политического рынка, что проявляется в отсутствии и слабости самоуправляющихся организаций гражданского общества. Именно поэтому, постоянное раз-

растание «серой зоны» во взаимоотношениях власти и бизнеса можно охарактеризовать как переходный этап в становлении горизонтального социального контракта в России.

Таким образом, анализ практики показал, что в России к настоящему моменту в региональном социальном контракте власти и бизнеса, налицо элементы двух типов социального контракта («вертикального» и «горизонтального» социального контракта). Однако возникающие на региональном уровне специфические контрактные взаимосвязи (квазиналоговые сборы и организованное спонсорство) можно рассматривать как проявление объективной тенденции к формированию неклассического варианта горизонтального социального контракта.

Статья поступила в редакцию 30.06.2011

К.С. САБЛИН,

Кемеровский государственный университет

ГОСУДАРСТВО РАЗВИТИЯ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИЯ

Модернизация российской экономики и ее перевод на инновационный путь развития тесно сопряжены с осуществлением ряда институциональных проектов, способствующих активному привлечению инвестиций в социальную, инженерную и научную инфраструктуру, в развивающиеся отрасли и в человеческий капитал, а также созданию новых технологий и содействию повышению конкурентоспособности отечественного среднего и малого бизнеса.

Зарубежный опыт показывает, что центральным субъектом модернизации является государство. В данном случае, государство становится государством развития (developmental state), которое продвигает и поддерживает экономическое развитие. При этом ключевой проблемой его функционирования является реализация нескольких взаимосвязанных проектов развития, смысл которых состоит в повышении конкурентоспособности экономики и улучшении социально-экономических условий жизни населения. *Центральным вопросом* для государства развития является принятие и обеспечение модернизационного проекта в рамках национальной экономики, успешное осуществление которого находится в прямой зависимости от способности

правящей группы использовать политическую волю и бюрократическую компетенцию в интересах всего общества, а не узких групп давления¹. В целом, общими характеристиками государства развития являются²:

1) наличие долгосрочного интереса у правящей группы, который заключается в ускорении экономического развития страны;

2) ускорение экономического развития страны реализуется, как правило, посредством осуществления процесса индустриализации национальной экономики;

3) правящая группа определяет не только базовые политические, экономические и юридические правила и нормы, регулирующие деятельность частных хозяйствующих субъектов, но и стратегические направления экономического развития страны;

¹ Loriaux M. The French Developmental State as Myth and Moral Ambition // The Developmental State by M. Woo-Cumings; Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 236 – 238.

² Bolesta A. China as a Developmental State // Montenegrin Journal of Economics. – 2007. – № 5. – P. 109.

4) выработанная правящей группой стратегия экономического развития страны реализуется рациональной государственной бюрократией («веберовской» бюрократией).

Важно отметить, что государство развития функционирует как в индустриально развитых, так и в развивающихся странах. Содержание и причины успешного функционирования государства развития в индустриально развитых странах (например в США и Франции) отражены в работах Ф. Блока, У. Лацоника, М. Лорю, Н. Флигстина, П. Эйзингера и др.

Однако более значимую и важную роль государство развития сыграло в тех странах, которые осуществляли стратегии «догоняющей» модернизации. Во всех этих странах государство брало на себя инициативу стимулирования экономического роста и поддержания экономического развития посредством создания институциональной среды инновационного развития, то есть совокупности формальных правил и неформальных норм, нацеленных на стимулирование производительной деятельности предпринимателей.

Изучением опыта стран, успешно осуществивших стратегию «догоняющей» модернизации, занимаются такие исследователи как А. Амсен, Л. Бурмейстер, Ч. Джонсон, П. Динс, Б. Камингз, Ж.-Э. Обэр, З. Онис, П. Эванс и др.

Примеры стран, в которых государство развития оказалось неспособным успешно решить задачи «догоняющей» модернизации, приведены в трудах Р. Вэйда, Г. Кардозы, А. Лефтовича, В. Томпсона, Р. Хэрринга, Х.-Дж. Чанга, Б. Шнейдера, П. Эванса и др.

Слабо освещенным элементом представленной проблемы является выделение факторов, на основе которых можно разграничить государства развития на успешно решившие задачи «догоняющей» модернизации, и на те, которые не смогли этого сделать. При этом особого внимания требует проблема рассмотрения специфики государства развития российской экономики.

В связи с этим, **цель** данной статьи состоит в выявлении факторов успешности государств развития, и их сопоставление с государством развития российской экономики.

Государства развития, успешно осуществившие стратегии «догоняющей» модернизации, представлены такими странами, как Япония, Южная Корея, Тайвань, Финляндия, Ирландия. Общими для данных стран являются следующие характеристики: 1) относительно

небольшая площадь территории, 2) малая протяженность границ, 3) унифицированная институциональная среда; 4) унитарное государственное устройство, 5) доминирование формализованных каналов отбора и продвижения представителей государственной бюрократии, работа которых основана на принципах меритократии (т.е. личных служебных заслугах и достоинствах) и видимых «карьерных лестниц».

Здесь важно отметить, что в странах Восточной Азии формализованные каналы рекрутирования чиновников опираются на плотные неформальные сети взаимоотношений. Например, основным кадровым резервом для набора чиновников в Японии являются **gakubatsu**, т.е. неформальные связи между сокурсниками элитных японских университетов. При этом представители бюрократического аппарата в своей работе опираются на сложившийся набор (кодекс) неформальных правил, или «**путь бюрократа**» (**kanryodo**)³. Таким образом, эффективность бюрократического аппарата обеспечивается не столько формализованными процедурами, сколько сетями неформального взаимодействия.

В целом, эффективность бюрократических аппаратов, обеспечивающих успешное решение модернизационных задач, может иметь разную основу. Среди них можно выделить:

- **восточноазиатскую модель**, характеризующуюся «сращиванием» интересов чиновников и предпринимателей, заинтересованных в модернизации экономики, в рамках кумовского капитализма (*crony capitalism*), и доминированием неформальных каналов их взаимодействия;

- **западноевропейскую модель**, ключевой чертой которой являются процедуры, предотвращающие конфликт интересов субъектов развития: во взаимодействии с предпринимателями чиновники следуют преимущественно формализованным и четко прописанным бюрократическим правилам, регламентам и процедурам.

Представляется, что важными параметрами, характеризующими бюрократический аппарат любого государства развития, являются «фрагментация – консолидация» его внут-

³ Cumings B. Webs with No Spiders, Spiders with No Webs: The Genealogy of the Developmental State // The Developmental State by M. Woo-Cumings. – Published by Cornell University Press, 1999. - P. 64.

ренней структуры, а также «формализация – деформализация» внешних связей чиновников

с частными предпринимателями, которые проявляют интерес к инновациям (см. рис. 1).

Рис. 1. Параметры внутренней структуры и внешних связей бюрократического аппарата государства развития

Проведенный анализ бюрократических аппаратов развития с использованием данных параметров показал, что наиболее эффективными, т.е. сумевшими успешно реализовать модернизационные проекты посредством максимизации общественной функции полезности, являются консолидированные бюрократические аппараты с преобладанием деформализованных внешних связей с инновационными предпринимателями (Южная Корея и Тайвань), и фрагментированные бюрократические аппараты с доминированием формализованных внешних связей с представителями частно-предпринимательского сектора (Ирландия и Финляндия). Это связано с тем, что взаимоотношения в обоих случаях «укоренены» в производительной институциональной среде, стимулирующей реализацию долгосрочных интересов как чиновников, так и предпринимателей. Однако в первом случае (Япония, Южная Корея и Тайвань) более сильными явились стимулы, предопределившие коррупционное поведение чиновников, но в целом не подорвавшие достаточно успешное социально-экономическое развитие восточноазиатских стран.

С другой стороны, фрагментированные бюрократические аппараты с преобладанием

деформализованных каналов взаимодействия чиновников с инновационными предпринимателями (например, Бразилия) и консолидированные бюрократические аппараты с жесткими формализованными внешними связями (примером является Перу) явились неэффективными, поскольку способствовали максимизации частной целевой функции чиновников посредством реализации краткосрочных интересов в условиях нестабильной политической конъюнктуры в первом случае, и длительной бюрократической волокиты - во втором, а институциональная среда оказалась перераспределительной, поощряющей «рентоискательство».

Эффективность бюрократических аппаратов восточноазиатской модели предопределили длительные бюрократические традиции, в частности сложная система сдачи квалификационных экзаменов для занятия определенной должности в государственном аппарате (например, данные формализованные испытания на Тайване выдерживают в среднем 2% соискателей⁴, а также наличие вызова со сто-

⁴Amsden A. The State and Taiwan's Economic Development // Bringing the State Back In. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 78 – 107.

роны социалистических стран (КНДР и КНР), позволившего в относительно сжатые сроки мобилизовать ресурсы и успешно реализовать стратегию «догоняющей» модернизации посредством осуществления эффективных институциональных реформ⁵.

При этом отличительным признаком данных аппаратов явилось наличие плотных неформальных связей между чиновниками и частными предпринимателями, обеспечивающими «сращивание» интересов субъектов развития, а также устойчивое существование **коррупционных каналов**, которые в определенной мере способствовали развитию экономик стран восточноазиатской модели. Так, например, в Южной Корее коррупционные отношения изначально «встраивались» в общую стратегию долгосрочного развития, предусматривающую упрощенный доступ для крупных конгломератов к льготным кредитам, государственным контрактам и иным правительственным привилегиям в обмен на «денежные пожертвования» и «добровольные финансовые отчисления» в пользу правящей политической партии. В данном случае политики и чиновники получали возможность дважды извлекать статусную ренту, во-первых, посредством взимания «комиссии» за предоставление доступа к дешевым кредитам и иным государственным льготам, и, во-вторых, получая часть дохода конгломерата в виде добровольного денежного «пожертвования» или «отчисления»⁶. В этом смысле, в личных интересах чиновников было создание наиболее благоприятных условий для развития крупных конгломератов, поскольку, чем успешнее тот или иной конгломерат действовал на мировом рынке, тем на больший объем извлечения статусной ренты могли рассчитывать чиновники.

Представляется, что не менее важным для становления государства развития, как в Южной Корее, так и на Тайване, явилось их **колониальное прошлое**, поскольку именно японское имперское правительство заложило

основы эффективного бюрократического аппарата развития, успешно реализовавшего стратегии «догоняющей» модернизации, используя неформальные каналы взаимодействия чиновников с частными предпринимателями⁷. Например, в колониальной Корее администрация не только поощряла реализацию инфраструктурных проектов, активно привлекая финансовые средства представителей частного сектора для достижения поставленных целей, но также стимулировала становление государственной службы с элементами «вебериянской» бюрократии. В то же время предприниматели были «встроены» в процесс выработки экономической политики, используя возможность получать дополнительные «доходы» в обмен на частичную потерю своей коммерческой и производственной самостоятельности, а взаимоотношения с колониальными властями выстраивались на основе их личных неформальных связей с губернатором, который выступал в роли «любящего отца», или «помогающей руки» (*jufu*)⁸. Кооперация между колониальной администрацией и частными предпринимателями характеризовалась столь высоким уровнем «сращивания», что было достаточно трудно определить, где кончаются государственные интересы и начинаются частные.

В отличие от восточноазиатской модели бюрократического аппарата, в котором неформальные каналы взаимоотношения между чиновниками и предпринимателями играют доминирующую роль, в рамках западноевропейской модели данные каналы скорее дополняют формализованные бюрократические регламенты и процедуры, на которые опираются представители государственной бюрократии.

Ярким примером является Ирландия, успешно реализовавшая национальный модернизационный проект посредством создания малых фирм, генерировавших инновации в сфере

⁵Onis Z. The Logic of the Developmental State // Comparative Politics. – 1991. – Vol. 24. – № 1. – P. 116.

⁶Wedeman A. Looters, Rent-Scrapers, and Dividend Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines // The Journal of Developing Areas. – 1997. – Vol. 31. – № 4. – P. 467; Красильщиков В. Азиатские «тигры» и Россия: страшен ли бюрократический капитализм? // Мир России. – 2003. – № 4. – С. 19.

⁷Maddison A. The Colonial Burden: A Comparative Perspective // Public Policy and Economic Development: Essays in Honour of Ian Little / Ed. by M. Scott and D. Lal. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 361 – 377; Han-Yu C., Myers R. Japanese Colonial Development Policy in Taiwan, 1895-1906: A Case of Bureaucratic Entrepreneurship // The Journal of Asian Studies. – 1963. – Vol. 22. – № 4. – P. 433-449.

⁸Kohli A. Where Do High-Growth Political Economies Come From? The Japanese Lineage of Korea's «Developmental State» // The Developmental State by M. Woo-Cumings. – Cornell University Press, 1999. – P.119.

информационных технологий, а также инвестируя значительные бюджетные средства в подготовку высококвалифицированных специалистов в области IT-технологий.

Важно отметить, что ирландское государство развития («кельтский тигр») способствовало расширению формальных связей, активно вовлекая в них локальные научные сообщества, занимающиеся фундаментальными и прикладными исследованиями, формируя формализованные каналы между децентрализованными государственными агентствами и множеством малых инновационных фирм из частного сектора⁹. В то же время, чиновники сыграли ведущую роль в установлении прямых связей с инноваторами, дополнив формальные, используя Национальный комитет по науке и технологиям в качестве центральной «площадки» для неформальных контактов между ними и предпринимателями. При этом рекрутирование самих чиновников базировалось на основе жестких формализованных испытаний, поощрявших отбор наиболее талантливых и способных соискателей, а в своей деятельности они были близки к «веберианским» бюрократам¹⁰.

В целом, общей чертой и восточноазиатских, и западноевропейских бюрократических аппаратов явилось то, что отбор чиновников осуществлялся посредством формализованных экзаменов, а их работа основывалась на принципах меритократии и видимых «карьерных лестниц».

Стоит отметить, что не все государства развития смогли успешно реализовать модернизационные проекты вследствие различных причин. Так, например, государство развития в Бразилии оказалось в состоянии реализовать лишь единичные проекты развития, в силу того, что бюрократический аппарат был значительно фрагментирован и состоял из совокупности индивидов, активно максимизирующих частную целевую функцию в условиях нестабильной политической конъюнктуры, предопределившей отсутствие видимых «карьерных

лестниц» и высокую значимость неформальных связей, и стимулировавшей чиновников реализовывать не долговременные, а краткосрочные интересы. При этом отбор соискателей в госаппарат опирался не на формализованные испытания, а на политические назначения, осуществляемые представителями верхних уровней власти.

В целом, общими характеристиками бюрократического аппарата Бразилии явились: фрагментация и низкий уровень профессиональной этики чиновников, высокая текучесть кадров и их неудовлетворительная подготовка, а также небольшое жалование и, как следствие, высокий уровень коррупции (но не в целях увеличения общего экономического «пирога» как в Южной Корее, а в целях его перераспределения между представителями правящей группы, высшими чиновниками и отдельными влиятельными бизнесменами)¹¹.

Одной из причин, обусловившей неуспех государства развития в Бразилии, явилось ее **колониальное прошлое**, которое, в отличие от восточноазиатских стран, предопределило активный поиск статусной и политической ренты посредством реализации краткосрочных интересов отдельных чиновников и тесно связанных с ними предпринимателей. В частности, со времен португальского владычества в колониальной Бразилии сохранялась страсть к быстрому обогащению, которая ориентировала людей не на производительную деятельность и кропотливое приращение своего богатства, а на сиюминутный успех: успешное «дело», провернутое нередко вопреки закону, получение доходной чиновничьей должности или иной государственной «синекуры», прочую «благодать»¹².

Другой пример демонстрирует Индия, в которой существующая институциональная среда способствовала созданию «неблагожелательного» и «нейтрального» бюрократического аппарата, чиновники которого в полной мере реализовали свои частные целевые функции в процессе осуществления модернизаци-

⁹ O’Riain S. The Flexible Developmental State: Globalization, Information Technology, and the «Celtic Tiger» // *Politics and Society*. – 2000. – Vol. 28. – № 2. – P. 166.

¹⁰ Andreosso-O’Callaghan B. The Role of Irish State in the Catching-Up Process: Developmental or Growth-Promoter? // *Developmental States: Relevancy, Redundancy or Reconfiguration?* / Ed. by L. Low. – New York: Nova Publishers, 2004. – P. 221.

¹¹ Schneider B. The Desarrollista State in Brazil and Mexico // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings. – Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 290.

¹² Siegel B. Social Structure and Economic Change in Brazil // *Economic Growth: Brazil, India, Japan* / Ed. by S. Kuznets, W.E. Moore and J.J. Spengler. – Durham (N.C.): Duke University Press, 1955. – P. 406 – 408.

онного проекта посредством перераспределения значительных финансовых ресурсов в свою пользу.

Одной из причин неуспешности действий государства развития в Индии явился «укорененный партикуляризм» отдельных бюрократических аппаратов, который предопределил, во-первых, рассогласование интересов центра и штатов вследствие выстраивания иерархии «корпоративных автономий» центральной бюрократии и бюрократических структур на уровне штатов, а, во-вторых, рачительную «конкуренцию» между чиновниками внутри бюрократических аппаратов за наиболее «доходные» места с точки зрения эксплуатации должностных полномочий и неформальных связей с отдельными предпринимателями, которые, в свою очередь, использовали их для «выбивания» привилегий.

Неэффективность действий индийских чиновников также отразилась в достаточно частом их перемещении с одной должности на другую, и, как следствие, было невозможно определить успех или провал какого-либо конкретного агентства или департамента, ответственного за реализацию определенных проектов развития. Причем перемещение с одной должностной позиции на другую нередко принимало форму покупки этих позиций чиновниками, что привело к образованию целого **рынка административных должностей**, однако доминирующим механизмом отбора администраторов развития все же явились формализованные испытания (экзамены).¹³

В противоположность странам, сумевшим во второй половине XX века успешно реализовать модернизационные проекты, Россия характеризуется: 1) огромной площадью территории, 2) большой протяженностью границ, 3) локализованной и сегментированной институциональной средой, 4) федеративным устройством государства, 5) доминированием неформальных каналов рекрутирования чиновников (в среднем всего 5% соискателей сдают формализованные экзамены при занятии должности в региональных администраци-

ях,¹⁴ которые в работе опираются на принцип личной преданности и на неформальные практики взаимодействия с предпринимателями¹⁵.

Данные особенности социально-экономического развития России предопределили тот факт, что исторически государство постоянно брало на себя роль основного агента, который обеспечивал экономический прогресс. При этом бюрократический аппарат компенсировал существующий «дефицит готовности» частных предпринимателей рисковать и инвестировать экономические ресурсы в производительную деятельность. Иными словами, государство в России не столько создавало необходимую благоприятную институциональную среду для ведения предпринимательской деятельности, сколько само выступало в качестве главного предпринимателя, обладая наибольшим объемом ресурсов, необходимых для реализации крупномасштабных проектов модернизации экономики страны.¹⁶

В результате, сложившаяся в российском госаппарате конфигурация интересов чиновников как ранее, так и сейчас способствует реализации стратегий «личного протекционизма» в рамках выстраивания вертикали внутри государства развития. При этом мы полагаем, что стратегии «личного протекционизма» в России коренным образом отличаются от подобных практик, осуществляемых в странах Восточной Азии. В этих странах реализация общественной функции чиновников обеспечивается гарантией карьерного роста, основанной на их личных служебных заслугах и достоинствах. Доминирующим же стимулом чиновников в российской экономике является реализация не общественной, а частной целевой функции в рамках выстроенной властной вертикали, опирающейся на личную преданность вышестоящим уровням бюрократической иерархии¹⁷ (см. табл. 1).

¹⁴ Чирикова А. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные // ОНС. – 2004. – № 3. – С. 72 – 73.

¹⁵ Оболонский А.В. Постсоветское чиновничество: квазибюрократический правящий класс // ОНС. – 1996. – № 5. – С. 5.

¹⁶ Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 433 – 435.

¹⁷ Афанасьев М.Н. Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 30 – 31.

¹³ Wade R. The Market for Public Office: Why the Indian State Is Not Better at Development // World Development. – 1985. – Vol. 13. – № 4. – P. 467-497; Lundahl M. Inside the Predatory State: The Rationale, Methods, and Economic Consequences of Kleptocratic Regimes // Nordic Journal of Political Economy. – 1997. – Vol. 24. – P. 36.

Таблица 1

Сравнение успешных государств развития: Бразилии, Индии и России

Исследуемые параметры	Успешные государства развития	Бразилия	Индия	Россия
Площадь территории	Относительно небольшая	Огромная (5 место в мире)	Огромная (7 место в мире)	Огромная (1 место в мире)
Государственное устройство	Унитарное	Федеративное	Федеративное	Федеративное
Доминирующий механизм отбора соискателей в госаппарат	Формализованные испытания (экзамены)	Политические назначения	Формализованные испытания (экзамены)	Неформальные практики рекрутирования
Доминирующий механизм продвижения чиновников	Личные служебные заслуги и достоинства	Личная преданность вышестоящему «патрону»	Покупка должностей и расточительная «конкуренция»	Личная преданность и личный протекционизм
Доминирующая целевая функция чиновников	Общественно значимая	Частная	Частная	Частная

Для России исторически было присуще «сращивание» интересов представителей бюрократии и отдельных предпринимателей. Оно было настолько сильным, что в положении последних виделось немало от роли хозяйственных администраторов, в полной мере использующих государственные привилегии, а некоторые исследователи указывают на то, что происходило не столько «сращивание», сколько «вызревание» предпринимателей в недрах бюрократического аппарата¹⁸. Так, например, О. Крыштановская отмечает, что в России в 1990-е годы появились крупные частные собственники, «вышедшие из недр советской номенклатуры и достигшие огромного финансового и политического могущества благодаря беспрецедентным экономическим привилегиям и тесным прямым связям с государственными структурами»¹⁹.

¹⁸ Гевелинг Л. Парадоксы бюрократизации российского общества: между социализмом, капитализмом и паразитизмом // МЭ и МО. – 1996. – № 12. – С. 100 – 103; Hanson P., Teague E. Big Business and the State in Russia // Europe-Asia Studies. – 2005. – Vol. 57. – № 5. – P. 674.

¹⁹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – С. 292 – 324.

Представляется, что бюрократический аппарат может быть эффективным и при доминировании стратегий «личного протекционизма» в случае, если неформальные связи «укоренены» в институциональной среде, поощряющей экономическое развитие посредством реализации общественной целевой функции, а не поиск политической и статусной ренты через осуществление частной функции полезности. При этом ключевыми все же остаются **автономная** от узких групп давления рациональная **«вебериянская» бюрократия**, и **формализованный механизм рекрутирования** и подготовки чиновников, для которых преследование общественных интересов является лучшим вариантом максимизации частной целевой функции.²⁰ К сожалению, в России подобные условия пока отсутствуют.

Анализ факторов, характеризующих разные типы государств развития, позволяет сделать вывод о том, что российское государство развития относится, скорее, к неуспешному типу. Подобный вариант его действий при

²⁰ Olson M., Sarna N., Swamy A. V. Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity Growth // Public Choice. – 2000. – Vol. 102. – № 3-4. – P. 348.

провозглашенном переходе на инновационный путь развития вряд ли будет способствовать экономическому развитию России в долгосрочном аспекте, но усилит узкие группы специальных интересов, ориентированных на активный поиск и извлечение политической и статусной ренты.

В этой связи возникает проблема перехода к успешному типу государства развития, которая предопределяет необходимость переориентации существующих «правил игры» с поиска и извлечения политической и статусной ренты на поиск и извлечение ренты инновационной, ведущей к долгосрочному социально-экономическому развитию страны и улучшению условий жизни для всего населения, а не отдельных узких групп интересов.

Литература

1. Афанасьев М. Н. Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории / М. Н. Афанасьев. – М.: РОССПЭН, 2006. – 272 с.
2. Блок Ф. Роли государства в хозяйстве / Ф. Блок // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 2. – С. 37 – 57.
3. Гевелинг Л. Парадоксы бюрократизации общества: между социализмом, капитализмом и паразитоценозом/ Л. Гевелинг // МЭ и МО. – 1996. – № 12. – С. 99 – 107.
4. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 420-448.
5. Красильщиков В. Азиатские «тигры» и Россия: страшен ли бюрократический капитализм? / В. Красильщиков // Мир России. – 2003. – Т. 12. – № 4. – С. 3-3.
6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты О. Крыштановская. – М.: Захаров, 2005. – 348 с.
7. Лацоник У. Разновидности капитализма, рыночных сил и инновационного предпринимательства / У. Лацоник // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6. – № 3. – С. 11-50.
8. Оболонский А. В. Постсоветское чиновничество: квазибюрократический правящий класс / А. В. Оболонский // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 5 – 15.
9. Флигстин Н. Государство, рынки и экономический рост / Н. Флигстин // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 41 – 60.
10. Чирикова А. Исполнительная власть в регионах: правила игры формальные и неформальные / А. Чирикова // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 71-81.
11. Amsden A. H. The State and Taiwan's Economic Development / A. H. Amsden // «Bringing the State Back In». – Edited by P. B. Evans, D. Rueschemeyer and T. Skocpol. – Cambridge Univ. Press, 1985. – P. 78 – 107.
12. Andreosso-O'Callaghan B. The Role of Irish State in the Catching-Up Process: Developmental or Growth-Promoter? / B. Andreosso-O'Callaghan // Developmental States: Relevancy, Redundancy or Reconfiguration? / Ed. by L. Low. – New York: Nova Publishers, 2004. – P. 219 - 235.
13. Aubert J.-E. Promoting Innovation In Developing Countries: A Conceptual Framework / J.-E. Aubert. – World Bank Institute, July 2004. – 38 p.
14. Bolesta A. China as a Developmental State / A. Bolesta // Montenegrin Journal of Economics. – 2007. – № 5. – P. 105 – 112.
15. Burmeister, L. Warfare, Welfare, and State Autonomy: Structural Roots of the South Korean Developmental State / L. Burmeister // Pacific Focus. – 1986. – Vol. 1. – № 2. – P. 121 – 146.
16. Cardoza G. Learning, Innovation and Growth: A comparative policy approach to East Asia and Latin America / G. Cardoza // Science and Public Policy. – 1997. – Vol. 24. - № 6. – P. 377 – 393.
17. Chang H.-J. The Economic Theory of the Developmental State / H.-J. Chang // The Developmental State by M. Woo-Cumings. – Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 182 – 200.
18. Cumings B. Webs with No Spiders, Spiders with No Webs: The Genealogy of the Developmental State / B. Cumings // The Developmental State by M. Woo-Cumings; Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 61 – 93.
19. Deans P. The People's Republic of China: The Post-Socialist Developmental State / P. Deans // Developmental States: Relevancy, Redundancy or Reconfiguration? / Ed. by L. Low. – New York: Nova Publishers, 2004. – P. 133 – 147.
20. Eisinger P. K. The Rise of the Entrepreneurial State: State and Local Economic Development Policy in the United States / P.K. Eisinger. – Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1988. – 373 p.

21. Evans P. B. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State / P. B. Evans // *Sociological Forum*. – 1989. – Vol. 4. – № 4. – P. 561 – 587.
22. Gianella C. Stimulating Innovation in Russia: The Role of Institutions and Policies / C. Gianella, W. Tompson // *OECD Economics Department Working Papers*, № 539. – OECD Publishing, 2007. – 47 p.
23. Hanson P. Big Business and the State in Russia / P. Hanson, E. Teague // *Europe-Asia Studies*. – 2005. – Vol. 57. – № 5. – P. 657 – 680.
24. Han-Yu C. Japanese Colonial Development Policy in Taiwan, 1895-1906: A Case of Bureaucratic Entrepreneurship / C. Han-Yu, R. Myers // *The Journal of Asian Studies*. – 1963. – Vol. 22. – № 4. – P. 433 – 449.
25. Herring R.J. Embedded Particularism: India's Failed Developmental State / R.J. Herring // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings; Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 306 – 335.
26. Johnson C. Political Institutions and Economic Performance: The Government-Business Relations in Japan, South Korea, and Taiwan / C. Johnson // *The Political Economy of the New Asian Industrialism* / Ed. by F.C. Deyo. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – P. 136 – 165.
27. Kohli A. Where Do High-Growth Political Economies Come From? The Japanese Lineage of Korea's «Developmental State» / A. Kohli // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings; Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 93-137.
28. Leftwich A. Governance, the State and the Politics of Development / A. Leftwich // *Development and Change*. – 1994. – Vol. 25. – № 2. – P. 363 – 386.
29. Loriaux M. The French Developmental State as Myth and Moral Ambition / M. Loriaux // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings; Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 235-276.
30. Lundahl M. Inside the Predatory State: The Rationale, Methods, and Economic Consequences of Kleptocratic Regimes / M. Lundahl // *Nordic Journal of Political Economy*. – 1997. – Vol. 24. – P. 31 – 50.
31. Maddison A. The Colonial Burden: A Comparative Perspective / A. Maddison // *Public Policy and Economic Development: Essays in Honour of Ian Little* / Ed. by M. Scott and D. Lal. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – P. 361 – 377.
32. Olson M. Governance and Growth: A Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity Growth / M. Olson, N. Sarna, A.V. Swamy // *Public Choice*. – 2000. – Vol. 102. – № 3-4. – P. 341 – 364.
33. Önis Z. The Logic of the Developmental State / Z. Önis // *Comparative Politics*. – 1991. – Vol. 24. – № 1. – P. 109 – 127.
34. O'Riain S. The Flexible Developmental State: Globalization, Information Technology, and the «Celtic Tiger» / S. O'Riain // *Politics and Society*. – 2000. – Vol. 28. – № 2. – P. 157 – 193.
35. Schneider B. The Desarrrollista State in Brazil and Mexico / B. Schneider // *The Developmental State* by M. Woo-Cumings; Ithaca: Cornell University Press, 1999. – P. 276 – 306.
36. Siegel B. Social Structure and Economic Change in Brazil / B. Siegel // *Economic Growth: Brazil, India, Japan* / Ed. by S. Kuznets, W. Moore and J. Spengler. – Durham (N.C.): Duke University Press, 1955. – P. 388 – 412.
37. Wade R. The Market for Public Office: Why the Indian State Is Not Better at Development / R. Wade // *World Development*. – 1985. – Vol. 13. – № 4. – P. 467 - 497.
38. Wedeman A. Looters, Rent-Scrapers, and Dividend Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea, and the Philippines / A. Wedeman // *The Journal of Developing Areas*. – 1997. – Vol. 31. – № 4. – P. 457 – 478.

Статья поступила в редакцию 28.06.2011